

ЧИЖ

№ 6. 1939. ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

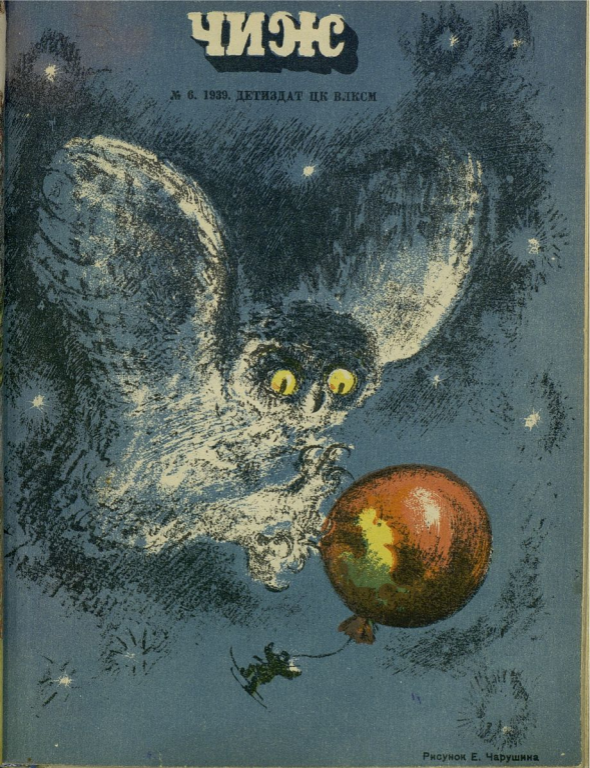

Рисунок Е. Чарушина

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ОХОТНИКА

Скажи мне, пожалуйста, не превращался ли ты когда-нибудь в маленького человечка ростом с оловянного солдатика? Не превращался?

А вот со мной такая история случилась. Как-то зимой пришел я к себе домой очень поздно.

Был большой мороз. Я себе чуть нос не отморозил, разделся поскорей, лег в кровать и закрылся теплым одеялом.

Лежу и думаю: „Как это хорошо, что мы, люди, живем в теплых комнатах. Нигде не дует, снег на голову не сыплется, под ногами не лед, не снег, а деревянный пол. А вот как сейчас звери живут в такой мороз в лесу? Тот, наверное, мерзнут. Вот, — думаю, — хорошо, если бы я вдруг превратился в маленького человечка, ростом с мышку, и отправился бы путешествовать по лесам. Тогда бы я у всех зверей побывал и посмотрел бы, чего они там делают. Маленький везде пройдет, все увидит.

„Вот бы хорошо-то было!“

Только я успел это подумать, как заметил, что мне стало что-то неудобно лежать в кровати: одеяло тяжелое, а подушка большая. Я вылез из-под одеяла и сел. Что же это такое? В чем дело? Подушка сзади меня шевелится, растет, а кровать стала величавой с комнату.

Я очень испугался и залез на подушку. Сел на середину и сижу. Всё вокруг меня растет и растет, делается всё больше и больше. Посмотрел на лампу, — а лампа уж не лампа, а целый уличный фонарь. Посмотрел на чашку с водой, — а чашка уж совсем и не чашка, а прямо будто настоящая большая ванна.

Сижу на подушке как на горке. Зеленое одеяло лежит на кровати, как поле. И тут-то я догадался: ничего и не росло совсем, а это я сам сделался крошечным, — человечком ростом... с оловянного солдатика.

Я обрадовался. Стал скакать на своей горе-подушке. И... бух! Свалился с нее на одеяло.

Гляжу — одежда моя тоже сделалась крошечной, как раз по мне. Рубашка стала такой удивительно маленькой, что я даже засмеялся. Такие рубашечки у самых маленьких куколок бывают. И штанишки маленькие. Валенки с орешки. Шапка с лимонное семечко. Я оделся и по ножке стула слез на пол.

Вдруг я заметил, что под стулом стоит автомобиль М-1. Что такое? Откуда автомобиль в комнате? А потом я догадался. Это же игрушечный автомобиль одного маленького мальчика —

Никиты. Я залез на машину и покати. Проехал полным ходом под столом, катался по всей комнате. Жалко только, что нельзя было погудеть: рожок-то игрушечный, из жести, а не резиновый.

Ну, думаю, теперь надо в путь собираться. Тут я из двух спичек сделал себе лыжи. Провертел середине дырки, продел ниточки вместо ремней. Потом надел шубу. Взял ружье и патроны, они тоже маленькие стали — по мне. Ведь мало ли что может случиться в лесу.

Но как мне попасть в лес?

Надо выбраться из комнаты. Надо выйти из города. И тут я придумал замечательную штуку. Я вчера купил красный шарик с золотым, нарисованным сбоку петухом. Этот шарик уперся сейчас в потолок, а нитка от него свисала до самого пола. Я стал тащить его вниз. Тащил его, тащил, — ничего не получается.

Тогда я стал привязывать к нитке разный груз — спички, карандаш, какую-то коробочку. И притянул его наконец к полу. Потом открыл печку, втащил шар в печку, привязался к нему, обрезал груз и... вылетел в трубу.

Была морозная зимняя ночь. Внизу все спали. Только я один летел себе в темноте по небу на своем воздушном шарике с нарисованным петушком. И ветер нес меня за город, в леса, к зверям и птицам.

Шар летел, летел. Вдруг я вижу: прямо навстречу мне летит какая-то громадная птица. Белая, с большими крыльями. Круглая голова, глаза тоже круглые и светятся в темноте, как два фона-

ря. Сбоку подлетела неслышно, посмотрела на меня, моргнула и... кинулась ко мне. Ноги у птицы вытянулись, сверкнули страшные, изогнутые когти, и... пп-ууу! — мой шар лопнул, а я, как камешек, полетел вниз.

Это большая полярная сова проткнула когтями мой шар. Глупая, она, наверное, хотела поймать нарисованного золотого петуха.

Я упал вниз головой в мягкий снег. Тут я стал вертеться, копать в снегу и... куда-то провалился. Я попал на мышиную подснежную дорогу. Отряхнулся, почистился, достал из кармана электрический фонарик величиной с комариный глаз и пошел по этой дороге.

Ну и удивительные ходы-переходы наделала под снегом себе мышка. Мышиная дорога то вправо, то влево сворачивала, то шла в самом снегу, то в земле под корнями деревьев во мху.

Смотрю — из-за поворота высунулась звериная мордочка. Носик у нее весь в шерсти, ушки тоже. Носик двигался из стороны в сторону — зверек принюхивался.

Глазки-бусинки блестели на свету. Я сразу догадался, что это лесная мышка. Она-то тут и живет.

— Здравствуй,—говорю,—мышка.

Лесная мышка помолчала, а потом тоже сказала:

— Ну, здравствуй.

— Я охотник,—говорю,—только ты меня не бойся,—видишь, какой я маленький. Убивать я никого не собираюсь. Мне просто интересно посмотреть, как в лесу живут зимой звери. Вот я к тебе в гости и пришел.

Мышка что-то проворчала вот так:

— Тир-пир, пир-мир, фи-фи-футь. Иди за мной.

И побежала, да так быстро, что я еле-еле поспевал за ней.

Но вот мы куда-то спустились.

— Стой,—сказала мышка,—приехали. Тут моя кладовая. Не хочешь ли перекусить с дороги?

Смотрю, а у мышки и вправду много запасов. Она их натаскала и сложила в свой подземный чуланчик. Тут и съедобные корешки, и разные семечки, и хлебные зерна. Я вытащил свой перочинный ножичек, выбрал одно ржаное зернышко и стал скрести, как морковь, а поскребышки—есть.

Мышка сидела рядом и поче-

сывалась. Вдруг она замерла,—лапка так и осталась у ее носика.

— Кто-то идет,—пискнула она,—слышишь?..

И вправду мы услышали: кто-то тихо повизгивал, щебетал, как птица,—все ближе да ближе...

— Землеройка!—запищала моя мышка.—Спасайся! Держись за хвост.

Я схватился за ее хвостик обеими руками, и мышка быстро потащила меня по своим подземным ходам-переходам. Меня бросало из стороны в сторону. Я стучался спиной и боками то о потолок, то о стены норки, но крепко держался за мышиный хвост. А щебетанье, визг и свист стали ближе и громче.

— Догоняет!—закричала мышка.—Скорей! Наверх!

И мы выскочили из норки.

Мышка тащила меня по пушистому снегу, и снег набился мне и в рот, и за шиворот.

— Стой, мышка!—закричал я.—Остановись, пожалуйста!

Мышка остановилась, я сел на нее верхом, и мы поскакали дальше по снегу.

Землеройка прыгала за нами следом. Визжала вдогонку. Длинный нос ее, вроде маленького

хобота, подымался кверху, и под ним были видны острые белые зубы. Хоть ростом она была даже немного меньше мыши, но она казалась такой страшной, — ну прямо как лютый тигр.

Моя лошадка-мышка скакала все тише и тише. Она начала уставать. Землеройка нас догоняла. Наконец мышка так запыхалась, что уже еле-еле ползла... Я зарядил ружье, сел на мышку задом наперед, прицелился, выстрелил... и... повалился кубарем в снег.

Землеройку я застрелил, но моя лошадка-мышка так испугалась, что сбросила меня со спины и убежала.

Я надел на ноги лыжи и пошел по мягкому, пушистому снегу.

Ах, и хорошо же ходить на лыжах! Снежок под лыжами поскрипывает. Солнышко светит. Я на горки забираюсь, с горок катаюсь...

Съехал я с одной горки и... гляжу — прямо передо мной на снегу сидит громадная ободранная волчица. Уставилась на меня своими желтыми страшными глазами, облизнулась и шагнула прямо ко мне навстречу.

Наверно, никто еще так быстро не бегал на лыжах, как я, когда удирал от волчицы. Ведь подумайте только. Вдруг огромный волк возьмет и раскусит вас пополам, а может быть — и целиком проглотит...

Вдруг волчьи зубы лягнули сзади меня над самым моим ухом... Я бросился в сторону и... куда-то провалился — глубоко-глубоко, в самую середину снежного сугроба.

— Где я?

Я упал на что-то мягкое и на что-то теплое. Пощупал кругом в темноте руками — везде густая шерсть — как лес.

Понюхал — пахнет каким-то зверем.

Осторожно вытащил я свой маленький фонарик, зажег его. Осматриваюсь и слышу:

— Мама, мама! Смотри, смотри! Светлячок светится.

И хор пискливых, тоненьких голосов в темноте закричал:

— Светлячок, светлячок, к нам упал светлячок!

— Не может быть, — ответила какая-то мама.

— Да разве ты не видишь?

— Вижу, — но все равно не может быть, — ответила мама. —

Светляки бывают только летом.

— Вот мы сейчас его пой-
маем, — запищали голоса.

Тут я немного испугался.

— Стойте! — закричал я. — Не
смейте меня ловить. Я не чер-
вяк-светлячок, я самый настоя-
щий человек. А вы кто та-
кие?

— Мы — мышата.

— Куда ж я попал? Где я?

— Ты попал в медвежью бер-
логу, — хором ответили мышата. —
А сидишь ты у медведя на за-
гривке, за правым ухом.

— Как за правым ухом! Как
на загривке! — закричал было я,
но сразу спохватился и тихо-
тихо спросил:

— А если медведь рассердится
и меня съест?

— Не съест, не съест! — за-

кричали все мыши разом. — Он
будет спать всю зиму беспросы-
пу до самой весны. Ведь его же
даже нарочно не разбудить.

— Посмотри, как мы хорошо
здесь устроились.

И мышка-мать показала мне
теплое гнездышко на медвежьей
спине.

— Вот в этом самом гнездыш-
ке родились мои ребята, — во-
семнадцать мышат.

— И все-таки здесь очень
страшно, — сказал я.

— Да что ты, что ты! —
опять запищали мышата. — По-
свети-ка нам.

Тут два мышонка забрались
на самый нос медведю и давай
на нем кувыркаться, прыгать,
танцевать.

И ведь верно: медведь даже не

пошевелился.

Тут и я расхрабрился, залез на широкий черный медвежий нос и сам стал приплясывать и притопывать. Вдруг я поскользнулся, и моя нога попала медведю прямо в ноздрю.

Медведь заворчал во сне, мотнул головой да к-а-а-ак чихнет...

И тут меня подбросило кверху, как горошину из рогатины, выкинуло меня из берлоги. Упал я на снег, сел было, да что бы вы думали! Волчица-то, оказывается, меня дожидалась у берлоги. Я побежал дальше и сразу же попал в густой кустарник...

Я быстро бегу, а волчица

сзади пыхтит, ветки ломает.

„Ты меня съесть хочешь, — думаю. — Пожалуйста. Посмотрим, как ты меня съешь“. И я придумал, как обмануть волчицу.

Нашел какой-то колышек. Воткнул его в снег, надел на него свою шубу и шапку, в рукава засунул веточки, и получилось чучело-человек. А сам я спрятался в снег. Вот она, волчица, подбирается, пыхтит.

Заметила меня, то есть не меня, а мое чучело. Да как прыгнет, как схватит его зубами. Так разом его и проглотила, и даже не пожевала. А потом села, облизнулась и вдруг как кашляет, как закричит, и ну кататься по снегу кверху ногами.

Подавилась, голубушка, моим чучелом. Так тебе и надо, жадина ты этакая.

Плюнул я даже от злости — уж очень мне было жаль своей шубы и шапки — и пошел дальше по лесу.

(Продолжение следует)

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ОХОТНИКА

Е. Чарушин

(Продолжение)

Это было зимой. Однажды я вдруг превратился в крошечного человечка, ростом с оловянного солдатика.

Я решил путешествовать по лесам и посмотреть, как зимуют звери. Ночью я вылетел из дома на красном воздушном шарике. Когда я летел над лесом, полярная сова напала на меня и мой воздушный шар лопнул.

В лесу под снегом я познакомился с лесной мышкой и даже ездил на ней верхом. Я застрелил кровожадную землеробку, которая хотела нас съесть. Потом я провалился к медведю в берлогу. Жадная волчица гналась за мной, но я ее обманул. Вместо меня, она проглотила чучело, которое я сделал из моей шубы. А я побегал дальше.

Долго шел я по снегу и совсем замерз. Голове без шапки холодно, руки и ноги зябнут. Ледяной ветер всего меня продувает. Я залез на березу, забрался на самый верхний прутик. Не увижу ли с дерева какое-нибудь жильё. Хоть бы обогреться и отдохнуть. Смотрел-смотрел — ничего не видать. Кругом лес. Неужели же я так и замерзну тут в лесу, на этой березовой веточке. И так мне стало себя жалко, что я заплакал.

Вись... вись... вись... — раздалось вдруг у меня над головой. И тяжелые черные тетерева целой стайей пронеслись надо мной. Вот

они повернули, вот летят ко мне, вот сели на мою березу, а один тетерев уселся рядом со мной. Ветка так закачалась, что я чуть не слетел вниз. Ах, какие красавцы эти тетерева! Черные, как смоль, хвосты с косицами — перья у хвоста загибаются в сторону. И над глазами красные-красные брови.

— Пора спать, пора спать, — сказал самый толстый тетерев.

— И я хочу спать, возьмите меня с собой! — закричал я. — Тут я замерзну.

Тетерев, мой сосед, вздрогнул, испугался, посмотрел на меня искоса, видит — не страшное что-

то, а совсем маленькое.

— Ну, — говорит, — лезь ко мне под крыло да скорей.

Я забрался к нему под крыло, ухватился за крепкие перья и выглядываю. Вдруг вижу — бултых, бух, — это тетерева с размаху кинулись с березы вниз головой в снег. Вот и мой повалился — у-у-у-ух! Он упал в рыхлый снег, повернулся разок-другой, и получилась у нас настоящая снеговая комнатка. „Ну, — думаю, — здесь нас и сова не поймает, и волк не найдет“. Под крылом тепло, я согрелся. Тихо в этой снеговой комнатке — я заснул.

Выспался мой тетерев, да ка-а-а-к... выпрыгнет из-под снега. Тут я и вывалился из-под крыла, брр-рр! Ох, как холодно!

Сел я, протирая глаза. А из-под снега с шумом, с треском выпрыгивают, выскакивают тетерева, как будто их кто-то выбрасывает оттуда. Снег летит, как дым, во все стороны. Вдруг меня что-то подняло, и я полетел. Оказывается, подо мной в снегу лежал тетерев. Он вскочил и меня подхватил на спину.

Я ухватился крепко за тетеревиные перья, и понес меня тетерев сам не знаю куда.

И тут вдруг я увидел внизу полянку. А на той полянке стоит домик, а из трубы вьется дымок.

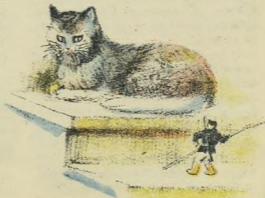
— Остановись! — крикнул

я. — Не хочу лететь дальше! — А тетерев летит все скорей да скорей.

Я быстро выдернул пушинку у тетерева, зажмурил глаза и прыг!.. Плавно-плавно, как на настоящем парашютике, стал я опускаться вниз.

Спустился я прямо во двор домика. Побежал скорее по двору, к крыльцу, по пути подобрал соломинку, приставил ее к ступеньке и залез по соломинке на первую. Приставил соломинку ко второй ступеньке и залез на третью. И уж ухватился было за неё, как вдруг увидел тигра. Он сидел на крыльце, у самой двери. Удивительный тигр — и не рыжий, и не полосатый, а весь какой-то серый с белым хвостом. Я притаился и смотрю... А тигр привстал, уставился на меня своими желтыми глазами, — вот-вот он прыгнет, вот-вот схватит своими страшными когтями. Но тут двери со скрипом распахнулись и на крыльцо вышел старик. Тигр бросился на меня, но я как-то увернулся, подбежал к старику,

быстро полез по человеческой ноге вверх, добрался до кармана пиджака и скорей юрк в него вниз головой. Вот как я спасся от серого тигра.

Человек вошел в дом. Снял пиджак, повесил его на гвоздик у двери, а сам стал пить чай, потом вышел. Я вытащил свой электрический фонарик „комариный глаз“ и осмотрелся: в кармане лежала бумага, а на ней что-то напечатано. Я стал читать. Первая буква П. Вторая—У. Вышло ПУ. Какое же это слово, думаю, начинается с ПУ? Пуле-мет, пушка? Читаю дальше. Т. Вышло ПУТ. Потом буква Е. Вышло ПУТЕ. Потом В. ПУТЕВ. К и А. ПУТЕВКА. Стал я читать дальше, и вот что прочел:

Лесник Иван Тимофеевич Осинкин направляется на отдых и лечение в Крым в морской санаторий.

— Ура, ура! — закричал я от радости.—Я тоже еду на юг. Довольно холодов и снега. Никуда из этого пиджака я не вылезу. Но вдруг я зачихал—апчи, апчи! Это оттого, что в кармане Ивана Тимофеевича пыль поднялась, а известно, какая пыль в кармане у табакюра — махорочная. Апчи!

Я высунулся из кармана, чтоб вдохнуть разок-другой, и кого бы вы думали увидел? Я увидел серого тигра. Он сидел у дверей и мяукал. Тут я догадался, что ведь это был просто серый кот Васька. Значит, я кота испугался. Я очень рассердился и крикнул ему:

— Иди сюда! Иди, иди, попробуй-ка, съешь меня сейчас!

Васька подошел, уставился на меня желтыми глазами и выпустил когти. Тут я схватил две полные пригоршни табачной пыли и залепил табак прямо в нос жадному коту.

И замотал тут Васька головой и вдруг выгнулся и негромко по-кошачьи стал чихать — пхи, пхи, пхи!

— Почихай, почихай, чихун несчастный! Так тебе и надо! — закричал я ему.

Васька ушел за печку и там чихал один, чтобы его никто не видел — пхи, пхи, пхи!

— Ну, все в порядке, — сказал Иван Тимофеевич, — значит, мы с тобой, братец Ерощка, поедем. Я тебя беру с собой, а то мне одному скучно.

„Уж не мне ли он это говорит? — подумал я. — Нет, конечно, не мне. Так кому же?“ Я осторожно взглянул из кармана и увидел, что Иван Тимофеевич снял со стены небольшую клетку с какой-то птичкой. Это был жаворонок. Его то и звали Ерощкой.

Иван Тимофеевич завернул клетку в большой платок, чтобы птица не простудилась на морозе, оделся и вышел.

Мы ехали в мягком вагоне.

Клетка с жаворонком Ерощкой висела у окна. Пиджак вместе со мной висел на вешалке у дверей. Иван Тимофеевич поужинал, а потом развалился на мягком диване и уснул. Я сильно проголодался за день, зажег свой электри-

ческий фонарик, слез на столик и стал искать чего-нибудь съедобного. И тут-то я нашел вкусную крошку от сладкого пирога.

Я походил по столу еще немного и нашел крошку от ветчины. Хоть это была и крошка, но для меня, маленького, она казалась настоящим большим окороком. Я с удовольствием поел ветчины и запил лимонадной каплей со стола. Видно, лимонад брызнул, когда его откупоривали.

Победил я и решил познакомиться с жаворонком Ершкой. Ершка сидел на полу клетки и крепко спал: видно, его хорошо укачало дорогой. Я легко толкнул жаворонка рукой, — и что тут случилось: жаворонок забился, а потом со сна подпрыгнул, изо всей силы хлопнулся о потолок клетки. Хорошо, что клетки для жаворонков делаются с мягким, матерчатым верхом, а то бы он зашибся насмерть. Наконец Ершка сел, растопырил крылья. Сидит и одним глазом на меня с испугом смотрит.

— Здорово, земляк! — сказал я. — Почему ты такой трусливый?

— Я совсем не трусливый, а немножко нервный, — ответил жаворонок. — А ты меня не съешь?

— Да что ты, разве едят певчих птиц! Кто же будет петь нам на наших полях и лугах, если мы всех вас съедим?

Жаворонок Ершка поверил мне, и с тех пор мы стали дружить. Я часто приходил к нему в гости, жаворонок угощал меня

конопляными семечками. И так мы ехали всю длинную дорогу от Ленинграда до самого синего Черного моря.

Я проснулся от крика.

— Подъезжаем, подъезжаем! — кричали все пассажиры.

Они раскрыли окно в купе.

Небо синего-пресинего цвета. Ни одной тучки. А со всех сторон виднелись высокие горы, удивительные деревья. Не зеленые были эти деревья, а прозрачные, белые, как дым, и розовые. Это цвели груши, яблони, вишни и черешни.

Но вот наш поезд нырнул в туннель, прорытый сквозь гору. Сразу стало темно, как в колодеце, я даже испугался. Но поезд скоро вынырнул на яркий свет — и прямо к морю.

Черное море в этот день было совсем не черное, а зелено-бирюзового цвета, и блестели на нем белые паруса парусных кораблей и лодок.

Пассажиры совсем с ума сошли. Кричат: — Море! Море! Смотрите, какое красивое! — Я подскочил к клетке, открыл поскорее дверцу, обхватил жаворонка за шею ру-

ками, и — фырр — подхватил нас ветер, перевернул даже разок, и потом мы плавно опустились в кусты около моря, на гладкие круглые камешки. И тут мы стали жить-поживать.

У самого моря в колючем кустике я выстроил себе и Ерошке из щепочек шалаш. Этот колючий куст называется держи-дерево. Если заденешь его рукавом или штанами, он зацепится своими шипами-колючками и держит. Настоящее держи-дерево! Днем мы ходили — искали еду, а ночью спали в моем шалашике.

Однажды, когда я вдоволь нагулялся по берегу, я присел на какой-то плоский камешек отдохнуть. Вдруг этот камень зашевелился. У него выросли ноги, голова, нос. Вот так штука! Я сначала очень испугался, а потом догадался, что это не камень, а черепаха. Ну, а на черепахе далеко не уедешь. Я встал и пошел.

Я ходил по морскому берегу и перескакивал с камешка на камешек. Ах, какие красивые камешки на морском берегу: и розовые, и серые, и в крапинку,

и в полоску. Как брызнет на них вода — так они и сияют на солнышке. Вдруг кто-то хватя меня за ногу. Смотрю — это краб, морской круглый краб вцепился в меня клешней. Я застрелил его, а потом унес краба в кусты, развел костер и целиком его изжарил. Ничего себе, вкусный был разбойник!

Так жили мы на юге с Ерошкой и очень соскучились по родным местам. Мы уж было собрались лететь туда — ведь там тоже весна началась. Но поднялась буря.

Черное море в этот день стало совсем черным и страшным. Громадные волны с ревом ходили по морю. Они несли на своих гребнях белую пену, она клубилась, как дым, и взлетала вверх. Рыбы нырнули в морскую глубину, птицы запрятались в щели и дупла, звери залезли в норы, а люди прятались в домах. Мы с жаворонком сидели в своем маленьком шалашике. С моря летела на нас соленая пена, иногда мимо свистели камни, которые

швыряла волна. Вдруг сквозь весь этот шум, рев и грохот мы услышали с моря голоса:

— Курлы, курлы! Скорей домой, скорей домой! Курлы курлы!

— Это кто? — запищал Ерош-жаворонок и даже подпрыгнул на месте.

— Это журавли летят к нам из-за моря.

Курлыкание ближе, вот совсем над нами—и большие серые птицы с длинными ногами и с длинными шеями прямо повалились из темноты к нам на землю. Так и заснули журавли, не двигаясь и не пошевельнувшись. Их измучила буря, избил ветер. Снова закричали птицы над морем:

— Кря, кря! Скорей домой! Кря, кря!

Эти утки летят. И утки тоже повалились на наш берег и заснули, засунув головы под усталые крылья.

И так всю ночь напролет кричали разными голосами перелетные птицы—каждая по-своему:

— Скорей домой! Скорей домой!

И сыпались из темноты на землю и засыпали, а буря все не унималась, все громче и громче ревели волны.

Вдруг громадная волна покатилась на берег. Залила куст, разнесла наш шалашик, а меня с Ершкой подхватила и понесла с собой... Я схватился за какой-то камень... Тут волна схлынула, и я бросился бежать подальше от моря.

— Ершка! Где ты?—крикнул я. Никто не отвечает. Только волны режут в темноте и воет ветер.

Я пошел искать было Ершку,

но его нигде не было. Среди спящих птиц увидел большого селезня, влез к нему на спину, выбрал у него на спине перышки посуше, зарылся в эти перышки, согрелся и крепко заснул.

Я видел сон. Будто я совсем еще маленький мальчишка. Мама меня укачивает. И поет будто моя мама такую удивительную песенку:

— Кря-кря, кря! Кря-кря, кря!

Мне было очень приятно, что моя мама меня качает. Я проснулся, и знаете что? Я увидел,

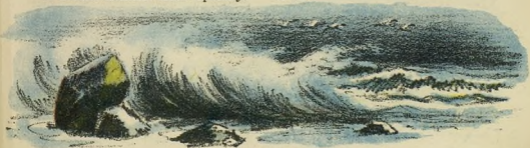

что сижу на спине у селезня. Селезень машет крыльями, меня покачивает в свежем утреннем воздухе. Я протер глаза, сел и крикнул ему:

— С добрым утром, селезень!

— С добрым утром,—прокричал он.

— Ты куда летишь?—спросил я его.

— Домой, в Ленинград, на зиморье.

— Милый, дорогой, да ведь и мне туда же надо. Я ленинградец. Отвези меня, пожалуйста, до самого города.

— Ладно, только держись покрепче, — сказал селезень и еще быстрее зама- хал крыльями.

Быстро летит мой селезень. Его короткие острые крылья с зелеными бронзовыми перышками-зеркальцами со свистом режут воздух.

С нами рядом летят еще птицы: вот гуси медленно длинной вожжей тянутся по небу. А вот журавли курлычут, а вот лебеди сверкают белыми перьями на солнце и трубят, как серебряные трубы.

А вот жаворонки заливаются.

Вот рядом летит один и тоже поет-распевает во все горлышко.

— Эй, жаворонок! Послушай! — крикнул я. — Ты не мой ли Ерощка?

— Ерощка, Ерощка! — поет жаворонок. — Я самый и есть Ерощка.

— Ты, значит, не утонул?

— Нет, не утонул, не утонул!

Звон и пенье стоят в чистом весеннем небе. И все на разные голоса кричат:

— Скорей домой! Скорей домой!

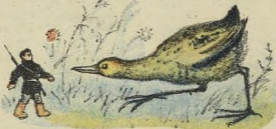
А внизу на земле тарахтят тракторы, тащат плуги, пахнут сырую весеннюю землю. И петухи нам кричат из деревень, и домашние гуси машут крыльями и гогочут влед.

— Сами бы полетели, да, видно, разучились.

Хорошо-хорошо лететь над родной землей в родные края.

Мы остановились в густом еловом лесу, на полянке. Я поел травки — кисленького шавеля. И

запил сладким березовым соком. Вдруг, гляжу — какая-то птица пробирается в траве. Смешная эта птица — голова

маленькая, ноги большие с длинными пальцами.

— Ты кто такой, куда бежишь? — крикнул я ей.

— Ох-ох, устала, — сказала она. — Я птица коростель. Я бегу к моему родному болоту из Африки. А бежать-то мне еще долго — тысячу шестьсот семьдесят четыре с половиной километра.

— Вот глупый-то! — закричал я. — Что ж ты не летишь?

— Да у меня крылья плоховаты, скоро устают, — сказал коростель. — Вот так пешком и приходится путешествовать. Осенью шагаю из России в Африку, а весной из Африки в Россию.

И он снова зашагал. Мне даже жалко стало коростеля. Подумать только, такая маленькая птица и за тридевять земель шагает да еще туда и обратно.

Чуть только посветлело небо.

— Чу-шшшыть! Чу-ф-фыть! — на весь лес зашипел громко-громко тетереv. И с другого места ему ответил другой еще громче.

И из леса на нашу полянку слетели тетерева.

Один тетерев растопырил перья на шею, выгнул шею дугой и мелкими шажками пошел прямо на другого тетерева. Потом как сшиблись они вместе, схватили друг друга за красные брови, за черные хвосты. Захлопали крылья, перья летят во все стороны, а рядом с ними другая пара дерется, третья. На всей поляне идет бой. Но вдруг квокнула в кустах тетерка — квок-квок. Драчуны взлетели, а из лесу выскочила лиса и щелкнула зубами — не успела ни одного хватить. Мы тоже не стали ее дожидаться и полетели дальше.

Летели мы долго. Я видел медведя. Он проснулся от зимней спячки. Я видел зайца, который еще не успел сбросить белой зимней шубы и прятался в ямках. Я видел в лесном болоте громадную птицу глухаря с орла величиной. Глухарь пел свою весеннюю песню тихо. Шептал и тикал что-то себе под нос.

И вот, наконец, мы летим над Ленинградом. Вот я вижу свой дом.

— Селезень, милый, скорей садись на крышу, а там уж я сам как-нибудь проберусь к себе в окошко.

Но вдруг на небе, над городом, зарычали аэропланы. Испугался мой селезень и поднялся снова высоко-высоко и полетел к себе на взморье.

На взморье еще плавали льдины. Гляжу — а внизу на воде сидят утки у берега и крикают. Видно, зовут моего селезня. Селезень повернулся и опустился к ним. Хочет сесть. И вдруг — бух, бах! С берега из куста взлетел дымок, другой. Видно, охотник там затаился. И выстрелил в селезня. А уток это он нарочно пустил для приманки. Перевернулся мой селезень в воздухе, но оправился и полетел дальше. И я полетел, да только не с ним, а прямо вниз головой в воду. Плюхнулся, нырнул и в ледяной воде кое-как поплыл. Вижу утку — а утка то деревянная, подсадная — чуело. Качается деревянное чуело на волнах, кое-как я на него взобрался. Мне было так

холодно, я так испугался, что глаза мои закрылись, и я уж ничего больше не помню.

Слышу — меня кто-то страшно сильно толкает в бок. Будто каким-то громадным бревном меня пихают. Я открыл глаза и сел. Оказы-

вается, сижу на ладони у охотника. А толкает он меня совсем не бревном, а своим корявым пальцем.

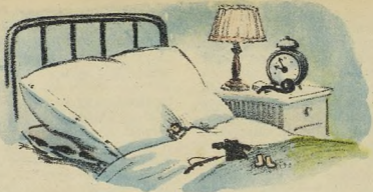
— Я тебя выловил, — сказал он мне. — Скажи мне, пожалуйста, неужели ты настоящий человек, а не игрушечный?

— Конечно, настоящий! — закричал я. — Ну, конечно, самый-самый настоящий.

— И ружье у тебя настоящее?

— И ружье настоящее, тульской фабрики, двадцатого калибра.

И тут я выстрелил из ружья — видно, патроны не успели промокнуть.

— Вот ловко-то, — сказал охотник. — Ну, и чудеса!

Потом он собрал уток, и деревянных и убитых, сунул меня за пазуху и принес в мою квартиру.

Положил меня на мою громадную постель.

А утром — ведь вот удивительная вещь — я проснулся снова большим человеком, и ружье мое стало тоже большим, и одежда.

Неужели это я все во сне видел?

МОЕ ОКНО

Виталий Бианки

АВГУСТ

Пришел месяц овощей, ягод, грибов. Я ходил на базар, их продают на базаре целыми корзинами. Тут и картошка, и огурцы, и горох. Тут и белые грибы-боровики, и березовики, и красные грибы, и маслята, и лисички. Тут и брусника, и малина, и смородина черная и красная, и вишня, и слива; нет только земляники: она уже кончилась.

Все птицы вывели птенцов, выводками, стайками кочуют с места на место.

Началась охота на лесную и болотную дичь. Охотники с легавыми собаками — длинношерстными сетерами и короткошерстными пойнтерами — отправляются за город стрелять уток, тетеревов, глухарей.

Над речкой — метелица. Но не подумай, что это снег. Нет, это маленькие насекомые. Они выходят из яичек на дне, три долгих года копошатся в иле и тине мохнатыми личинками, а потом вылезают из воды и превращаются в красивых крылатых однодневков. Однодневки живут всего несколько часов. Но пока живут, они все время пляшут в воздухе и перед смертью роняют